

После того как Син Вэньфэй вышел, в спальне воцарилась гнетущая тишина.

Несмотря на внушительные размеры комнаты, она казалась наглухо запечатанной: тройные стеклопакеты с бронированным внешним слоем и двойной звукоизоляцией внутри не пропускали ни единого звука снаружи. Цинь Су апатично разглядывал обстановку — минималистичный интерьер в черно-белых тонах. Было очевидно, что в это оформление вложили немало сил и тех самых «изысков», о которых твердил Вэньфэй.

«Неужели у меня и вправду совсем нет вкуса?» — тоскливо подумал он.

Впрочем, рефлексия быстро сменилась привычным желанием взяться за работу. Нужно было встать, дел накопилось слишком много, но дурнота сковывала тело, не давая пошевелиться. В этой борьбе между долгом и немощью он незаметно провалился в тяжелый сон. Проснулся он в той же безмолвной пустоте, окончательно потеряв счет времени.

Цинь Су взглянул на экран телефона: пятый час дня. Он проспал несколько часов, но отдых не принес облегчения. Слабость, головокружение и тошнота никуда не делись; желудок, несмотря на отсутствие еды, распирало от тяжести.

Физические страдания порождали мрачные мысли. Раньше он редко оглядывался на прошлое или загадывал наперед, но теперь перед глазами один за другим всплывали бывшие студенты. С кем-то отношения оставались теплыми до самого выпуска, другие исчезали из его жизни в тот же день, когда забирали диплом. Лаборанты, ассистенты — большинство уходило, не оставляя и следа.

Мир стремительно менялся, а Цинь Су десятилетиями не замечал этих перемен, считая лабораторию и науку единственным незыблемым оплотом. «Пусть дуют ветры со всех четырех сторон, я останусь неподвижен» — таков был его девиз.

Но теперь всё изменилось. В его теле, возможно, уже хозяйничал вирус, встраивая свой генетический код в его собственный. Если произойдет ВИЧ-сероконверсия, он станет изгоем. Его ждет жизнь на таблетках с их бесконечными побочными эффектами и вечный страх перед лекарственной устойчивостью. Смерть неизбежна для каждого, но одно дело — уйти в глубокой старости, приняв финал как должное, и совсем другое — годами гнить в страхе, подвергаясь двойному изнурению: физическому и моральному.

И еще был Син Вэньфэй. Цинь Су не мог понять: эта внезапная заботливость и чуткость — следствие глубоких чувств или простое исполнение долга перед человеком, попавшим в беду по его вине? Любой из вариантов сейчас казался ему непосильной ношей.

Его магистранты и докторанты часто пребывали в состоянии экзистенциального кризиса, лишенные почвы под ногами. Девять из десяти его учеников признавались, что чувствуют себя

потерянными. Девушки жаловались на давление семьи, требующей замужества, хотя сами не понимали, зачем им это нужно. Юноши, чьи подруги требовали свадьбы, тоже приходили за советом, не зная, как справиться с грузом будущей ответственности. В таких случаях Цинь Су не мог предложить ничего дельного, кроме призывов к ответственности и верности своим убеждениям.

Вопросы о смысле исследований, о карьерных перспективах, зависть к бывшим однокашникам, которые уже сколотили состояния, пока они сами повторяют в лаборатории бесконечные эксперименты с сомнительным результатом... Цинь Су пытался утешать их, исходя из собственного понимания жизни. Он призывал искать баланс между идеалами и реальностью, хотя порой и сам сомневался: не вредят ли его советы чужим судьбам?

Всю свою жизнь он шел по прямой линии, погруженный в дела, которые приносили ему покой и чувство удовлетворения. Даже когда возникали проблемы, они решались быстро.

Но связь с Син Вэньфэем выбила его из колеи. И хотя он часто раскаивался и боялся разоблачения, даже этот стресс не шел ни в какое сравнение с нынешним ужасом перед ВИЧ-экспозицией. Теперь любая мысль упиралась в одно «если»: «А что, если тест окажется положительным?»

В этом случае о работе в госпитальной лаборатории можно забыть. И дело не только в студентах или их родителях, которые наверняка будут против учителя с таким диагнозом. Главная причина была профессиональной: он занимался туберкулезом. Палочка Коха передается воздушно-капельным путем, и за годы работы его тесты IGRA всегда давали ярко выраженный положительный результат — профессиональная деформация, которой не избежать.

Исследования показывают, что у здорового человека риск перехода скрытой инфекции в активную форму составляет лишь 5–10% — иммунитет сдерживает болезнь всю жизнь. Но у ВИЧ-инфицированных всё иначе. Вирус выкашивает иммунную систему, лишая её защиты. ТБ/ВИЧ-коинфекция развивается стремительно и почти не оставляет шансов на выживание.

Если ВИЧ-сероконверсия случится, он потеряет дело всей жизни. Придется вернуться в родной город, ухаживать за престарелыми родителями и копать в огороде. Если, конечно, не придется заставлять отца и мать хоронить собственного сына.

И уж конечно, о том, чтобы остаться с Син Вэньфэем, не могло быть и речи.

Цинь Су долго лежал, глядя в потолок, пока не почувствовал: если он немедленно не прекратит изводить себя, то просто сойдет с ума. Нужно было встать. Похоже, сейчас он чувствовал себя более потерянным, чем любой из его студентов.

Син Вэньфэй решил не возвращаться в спальню, чтобы не тревожить Цинь Су. Выпив чашку крепкого кофе, он засел в кабинете. Чтобы его не обвели вокруг пальца подчиненные из технического отдела, он лично просматривал всю документацию. За несколько лет он наловчился разбираться в нюансах так, что обмануть его было почти невозможно. Совмещать управление и технический контроль было тяжело, но необходимо.

В какой-то момент ему пришла мысль привлечь Цинь Су в качестве консультанта, но гордость не позволяла выглядеть «невеждой» в глазах любимого человека. Профессиональные вопросы они до сих пор не обсуждали.

Около трех часов дня приехала Юй Юань. Она знала эту квартиру, пожалуй, лучше самих хозяев, ведь большинство вещей здесь было куплено по её выбору и распоряжению Вэньфэя.

Первым делом она отправилась в прачечную к сестре Чэнь. Та, увидев помощницу, заметно расслабилась — теперь было на кого переложить заботу о гардеробе.

— Младший господин Син оставил все вещи здесь? — шепотом спросила Юй Юань.

— Да, всё тут, — кивнула сестра Чэнь.

— Я привезла еще несколько комплектов, — Юй Юань выложила одежду. — Должно хватить на первое время.

— Господин Син очень печется об этом господине Цине, — заметила экономка. — Может, когда в следующий раз будете подбирать одежду для хозяина, заодно и для него что-нибудь присмотрите? Это ведь недолго.

Юй Юань невольно улыбнулась. У неё не было ни мужа, ни сына, и возможность одевать такого требовательного и статного босса, как Вэньфэй, приносила ей истинное удовольствие — особенно когда счета оплачивала не она.

— Вещи господина Сина оплачивает госпожа Ван, — рассудительно ответила Юй Юань. — А вот одежду для этого господина Циня шефу придется покупать на свои. Иначе госпожа сразу заметит лишние расходы, и начнутся вопросы.

Сестра Чэнь восхищенно покачала головой:

— И то верно. Глаз да глаз нужен.

Юй Юань, орудуя отпаривателем, с любопытством понизила голос:

— И как он? Этот господин Цинь?

Сестра Чэнь замялась, не решаясь болтать лишнего:

— Он всё спит. Проснется — сама увидишь.

— Боюсь, шеф отправит меня обратно раньше, чем он выйдет, — вздохнула помощница.

— Ничего, будет еще возможность.

В этот момент в дверях появился Син Вэньфэй. Зайдя за очередной порцией кофе, он удивленно вскинул брови:

— Уже здесь?

— Да, приехала какое-то время назад, — мягко улыбнулась Юй Юань. — Сестра Чэнь сказала, вы заняты в кабинете, я не стала мешать. Вещи я развесила, посмотрите? Если что-то не понравится, я успею оформить возврат.

Раньше Вэньфэй и бровью бы не повел, но сейчас он охотно проследовал в гардеробную. Выбор Юй Юань его порадовал — она явно уловила его настроение. Одобрительно хмыкнув, он спросил:

— Мама звонила тебе? Говорит, телефон был недоступен.

— Да, я была в самолете. Уже перезвонила ей.

— И что ты ей наплела? Я не стал ничего объяснять, чтобы наши версии не разошлись.

Юй Юань спокойно ответила:

— Сказала, что вы уехали в срочную командировку в город S, а меня не предупредили, так как это сугубо рабочие дела. Мол, здесь похолодало, вещей у вас с собой не было, вот я и привезла одежду. Поэтому и была в полете.

Вэньфэй удовлетворенно кивнул:

— Хорошо. Я задержусь здесь на несколько дней. Ты тоже оставайся, оформим как командировку.

— Спасибо, босс.

— И еще, — Вэньфэй посерьезнел. — Цинь Су не любит чужих людей. Держись с ним деликатно.

— Разумеется.

— И моей семье — ни слова.

— Можете на меня рассчитывать, — заверила его помощница.

Сестра Чэнь заглянула в комнату, чтобы уточнить меню на ужин.

— Ничего особенного, — распорядился Вэньфэй. — Что-нибудь легкое и диетическое.

Он направился к кабинету, но в коридоре столкнулся с вышедшим из спальни Цинь Су. Тот выглядел изможденным, взгляд был расфокусированным. Почувствовав аромат кофе, он негромко произнес:

— Налей мне тоже.

— Исключено, — отрезал Вэньфэй. — Ты на лекарствах, какой еще кофе? Только вред один.

— Врач не запрещал, — нахмурился Цинь Су.

— Это не значит, что можно, — не сдавался Вэньфэй. — Неужели так трудно потерпеть несколько дней?

— Мне нужно работать, а голова как в тумане.

— Если голова в тумане — значит, не надо работать. Тебе нужен отдых.

— Я и так проспал весь день. Куда еще больше?

— Отдых — это не только сон. Посмотри фильм, почитай что-нибудь легкое, поиграй в приставку...

— Мне это не интересно, — отрезал Цинь Су.

Вэньфэй усмехнулся:

— Тогда просто посиди со мной в кабинете. Будешь смотреть, как я работаю, идет?

Цинь Су замер. Он пытался говорить о серьезных вещах, а Вэньфэй опять превращал всё в какую-то игру.

— Хватит паясничать. У меня куча дел. Я сам знаю свой организм и свои планы, — раздраженно бросил он. С самых студенческих лет никто не смел так бесцеремонно диктовать ему, что делать. Эта опека начинала его не на шутку бесить.

— Я же о тебе забочусь, — мягко сказал Вэньфэй.

— Я ценю это, правда, — Цинь Су едва сдерживал гнев, порожденный плохим самочувствием.
— Спасибо. Где мой ноутбук? обойдусь без кофе, но мне нужен компьютер.

Вэньфэй внимательно посмотрел на него:

— Цинь Су, я за тебя места себе не нахожу, ты понимаешь?

Цинь Су на мгновение смягчился, но раздражение тут же вернулось:

— Понимаю. Но сидеть без дела мне еще хуже — я начинаю накручивать себя. Работа помогает отвлечься.

Вэньфэй задумался.

— Слушай, я купил тебе одежду. Давай ты её примеришь? И время пролетит, и отвлечешься. А вечером вместе посмотрим кино, ладно?

Цинь Су недоуменно вскинул брови:

— Зачем мне одежда? У меня есть вещи. К слову, твой костюм всё еще у меня дома, его нужно постирать.

— Забудь про тот костюм, сестра Чэнь заберет его позже, — Вэньфэй допил свой кофе, оставил чашку и потянул Цинь Су за руку в сторону гостевой спальни, где Юй Юань уже подготовила гардеробную.

Цинь Су нехотя последовал за ним. Перед тем как войти, он заметил в столовой молодую девушку с огромными глазами, которая с любопытством поглядывала в их сторону. Это его задело. Кто она такая?

— Вот, посмотри. Нравится? — Вэньфэй с энтузиазмом начал демонстрировать обновки.

Цинь Су, всё еще в пижаме, стоял посреди гардеробной в полном замешательстве.

— Это всё... мне?

— Ну конечно, — закивал Вэньфэй. — Моя помощница всё утро этим занималась. Она эксперт в эстетике, у неё безупречный вкус. Уверен, тебе подойдет.

Цинь Су не был знатоком люксовых брендов, но даже он понимал, сколько могут стоить эти шкафы, набитые вещами. Он не хотел обижать Вэньфэя, но принимать такие подарки для него было невыносимо.

Он осторожно отвел руку Вэньфэя, который уже намеревался помочь ему снять пижамную куртку.

— Вэньфэй, послушай. Я ценю твой жест, правда. Но я не могу это принять.

— Это не мои вещи, Цинь Су. Это твои.

— Не цепляйся к словам. Я имею в виду, что не возьму их.

Вэньфэй замер. Он искренне не понимал причины отказа. С прошлого вечера он терпел всё — холодность Цинь Су, его капризы, его болезнь. Он так надеялся, что эти подарки хоть немного его порадуют, и этот отказ ударил по нему сильнее, чем любая грубость.

— Цинь Су, тебе не кажется, что ты перегибаешь палку? Ты это специально? — голос Вэньфэя задрожал от гнева. — Нарочно доводишь меня? Хочешь показать, что раз ты болен, я не справлюсь и уйду? Ты просто выживаешь меня, так?!

— Ничего подобного, — возразил Цинь Су. — Я не болен, это ты вбил себе в голову. Мне не нужна твоя опека! И уж тем более мне не нужны шмотки!

— Ах, не нужны?! — Вэньфэй взорвался.

Он сорвал с вешалки рубашку и с силой рванул ткань, пытаясь её разорвать. Но шелк оказался слишком качественным — швы выдержали яростный натиск.

Цинь Су, глядя на эту нелепую борьбу с одеждой, сначала опешил, а потом не выдержал и горько усмехнулся. Вэньфэй, заметив его улыбку, швырнул рубашку на пол.

— Смейся-смейся! — прошипел он. — Весело смотреть, как я выставляю себя идиотом?

Цинь Су холодно взглянул на него:

— Если ты так жаждешь дарить мне одежду, то не покупай этот пафосный люкс. Я не знаю этих брендов, но мои студенты и коллеги — особенно женщины — заметят всё в один миг. Я не собираюсь щеголять в вещах, которые стоят целое состояние.

— Ясно, — проскрежетал Вэньфэй. — Тогда я схожу на помойку и подберу тебе что-нибудь подходящее. Устроит?

— Вот и иди, — отрезал Цинь Су.

Он развернулся, чтобы выйти из комнаты. Вэньфэй бросился за ним:

— Цинь Су, да что с тобой не так?! Ты всё еще живешь в своем выдуманном мире аскетизма? Думаешь, чем хуже ты одет, тем больше тебя уважают? Это чушь! Взгляни на своего Чжоу Сюня — он одевается прилично. Мир давно изменился! Люди могут болтать что угодно, но встречают по одежке. Стоит тебе хоть немного оступиться, как тебя тут же смешают с грязью, если ты выглядишь как оборванец...

— Думай что хочешь! — выкрикнул Цинь Су, оборачиваясь. Его трясло. — Хочешь пресмыкаться перед шмотками — пресмыкайся! Хочешь ценить только обертку — цени! Мне-то что до этого?!

Вэньфэй покраснел от ярости. Он чувствовал, как его искренность втаптывают в пыль. С ним никогда так не обращались.

— Ты просто невыносим! — взревел он. — У тебя точно крыша поехала!

Цинь Су, задыхаясь от гнева, хотел немедленно уйти домой, но вспомнил, что на нем пижама. Он бросился в спальню переодеваться. На прикроватной тумбочке надрывался телефон. На экране высветилось: «Мама». Несколько пропущенных.

Ярость мгновенно сменилась ледяным оцепенением. Цинь Су заметил, что его руки мелко дрожат. Он крепко сжал телефон, сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь усмирить колотящееся сердце, и только тогда ответил.

— Цинь Су? — раздался в трубке голос матери.

— Да, мам. Что-то случилось? — голос звучал ровно, почти обыденно.

— Ох, напугал ты нас. Почему вчера не позвонил? Мы ждали-ждали, решили, что ты занят, не стали мешать. А сейчас вот время ужина, решили набрать. Ты поел?

Услышав этот будничный, пронизанный любовью голос, Цинь Су почувствовал, как в носу защипало, а глаза мгновенно застлало слезами. Он до боли закусил губу, боясь выдать свою слабость.

— Мам, вчера на работе зашился, совсем из головы вылетело. Сейчас как раз собираюсь ужинать, не волнуйтесь. Как вы там? Не простудились?

— Да нет, бог миловал. Только вот у меня что-то с желудком неладно в последнее время, но терпимо. Мы тут гусей решили забить, сделаем пятислойное мясо с пряностями, пришлем тебе. Погода сейчас холодная, доедет в лучшем виде.

Цинь Су почувствовал, как в груди нарастает тугой ком.

— Не надо, мам, правда. Не утруждайте себя. У меня сейчас одни командировки, пришлете — а я и съесть не успею, испортится.

— Так в лабораторию отнеси, студентов угостишь, — настаивала мать.

— Не нужно, мам.

В трубке послышался вздох разочарования.

— Ну ладно. А на Новый год когда приедешь? Опять к самому тридцатому числу?

— Мам, до него еще несколько месяцев. Чего сейчас об этом говорить?

Мать негромко рассмеялась:

— Ты совсем в своих бумагах закопался? Ноябрь на дворе! Меньше двух месяцев осталось.

Два месяца. Цинь Су сглотнул. Ему нужно ждать три, чтобы узнать правду.

— Два месяца — это долго, — глухо отозвался он.

— Тут отец рвется с тобой поговорить, передаю трубку.

— Да, мам.

— Сын? — голос отца был строгим, но теплым. — Много говорить не буду. Ты там один, следи за собой. Мы знаем, какая у тебя работа, сколько студентов на тебе висит. Нагрузка огромная, так что не забывай о здоровье. Береги себя.

— Да, пап, я знаю.

— Ну, всё тогда. Не будем время отнимать. Пока.

В трубке раздались короткие гудки. Цинь Су медленно опустил руку, не сводя глаз с погасшего экрана.

Син Вэньфэй всё это время мерил шагами коридор, кипя от негодования. Он ворвался в спальню, готовый продолжить спор, но замер на пороге.

Цинь Су стоял у кровати, и по его лицу, не переставая, текли слезы. Ярость Вэньфэя мгновенно испарилась, сменившись леденящим ужасом. Он ведь слышал обрывки разговора — ничего страшного не произошло. Почему же он плачет так, будто мир рухнул?

<http://bllate.org/book/17514/1662088>